

тральной эпохи". (Еврейновъ. „Театръ у животныхъ“. Петр. 1924 г.).

Въ искусствахъ пластическихъ, въ частности, въ живописи, мы, ставъ на путь той же „специализаціи“, сначала провозгласили „чистую живопись“, какъ культъ свѣта и цвѣта, отнюдь не рисунка, потомъ перешли къ отрицанію психологіи и, наконецъ, сюжета, создавъ „безпредметную живопись“. Форма получила въ живописи свое самостоятельное, независимое бытіе, что привело къ кубизму. Стремленіе разложить форму на элементы, чтобы выразить находящуюся въ нихъ матерію во времени и пространствѣ, родило футуризмъ. Кубо-футуризмъ есть соединеніе того и другого. Въ результатѣ картины, предъ которыми большинство изъ насъ недоумѣваетъ...

А, между тѣмъ, мы, по основному складу своей психики, право, „диллетанты“. Нашъ духъ — это синтезъ воли, чувства и разума. Въ каждомъ актѣ воздѣйствія на окружающій насъ міръ и воспріятія его у насъ объединяются въ той или другой степени воля, чувство и разумъ, т. е. „пища“ нужна всѣмъ имъ, иначе мы будемъ неудовлетворенными и „недоумѣвающими“.

Не лежитъ ли корень современнаго кризиса искусства въ его „специализаціи“, въ данномъ случаѣ, въ излишней „формализаціи“, приведшей, какъ мы знаемъ, къ невозможнымъ уродствамъ въ области искусства?..

III.

Своимъ рассказомъ о себѣ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій далъ намъ ключъ къ пониманію его творчества. Русскій человекъ съ головы до ногъ, корнями вросшій въ бытѣ родной деревни, чутко прислушивающійся къ голосу окружающей его съ дѣтскихъ лѣтъ природы, любящій и знающій крестьянскую дѣтвору, умѣющій, какъ никто, подмѣчать и изображать ея сложный въ своей непосредственности духовный міръ, увлекательный и трогательный рассказчикъ, будящій вашу мысль и чувство, вызывающій въ вашей душѣ рядъ дорогихъ русскому человеку воспоминаній и настроеній, — таково содержаніе произведеній художника, такова „пища“, которую даетъ намъ

его творчество, понятное и простое, какъ проста въ своемъ величій та природа и край, гдѣ впервые увидѣлъ свѣтъ этотъ художникъ. Всмотритесь въ „Трудную задачу“, „Будущаго инока“,*) „Мечтателя“, „Пріятели“, „Талантъ и поклонника“, (прод. въ Америку), „Соціализацію“, „Старога скрипача“, „На работу“, „Въ деревнѣ“, „Юнаго работника“ — вездѣ вы увидите подтвержденіе такой именно характеристики „духовнаго лица“ Н. Богданова-Бѣльскаго, таковымъ оно является и въ самой первой его картинѣ „Будущій инокъ“, и въ извѣстныхъ его вещахъ, какъ „Воскресное чтеніе“, „Соборованіе“ (Муз. Алекс. III) и въ произведеніяхъ, написанныхъ недавно: „Талантъ и поклонникъ“, „Пріятели“ и др. Все это, такъ сказать, есть „передвижничество“ нашего художника, понимаемое въ самомъ широкомъ смыслѣ даннаго слова, осуждаемое новѣйшей живописью, культивирующей только одну форму, изгоняющей изъ картины всякое содержаніе, дающей пищу только одному глазу, а въ кубо-футуризмѣ — неизвѣстно чему...

Было-бы, однако, большою ошибкой думать, что творчество Богданова-Бѣльскаго ограничивается только однимъ содержаніемъ, что въ жертву послѣднему приносится живопись, рисунокъ. Сколько, напримѣръ, замѣчательной экспрессіи при художественной формѣ въ картинахъ „Будущій инокъ“, „Трудная задача“, „Талантъ и поклонникъ“. Какъ много и тамъ, и здѣсь говорятъ лица этихъ крестьянскихъ дѣтей. А развѣ не красоченъ „Лѣтній вечеръ“ съ его чисто-импрессионистской манерой письма, краснымъ платкомъ на головѣ дѣвочки? Интересенъ также выдержанностью общаго тона, игрою свѣта и тѣни „Бывшій защитникъ родины“, гдѣ за воспріятіемъ вашего глаза, слѣдуетъ съ необходимостью опредѣленное душевное переживаніе, вызванное содержаніемъ картины. Не могу также не обратить вашего вниманія на „Старую Ригу“, очень любопытную по характеру живописи и краскамъ, къ сожалѣнію, репродуцированную „чернымъ“, и пейзажъ „Развалины въ Кокенгузенѣ“, полный настроенія и колоритности.

Н. И. Мишеевъ.

*) Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Перезвонъ“ будетъ помѣщена цвѣтная репродукція съ этой картины, подлинникъ которой случайно оказался въ Ригѣ.

ИВ. БУНИНЪ.

Мордовскій сарафанъ.

Зачѣмъ собственно иду я къ ней, къ этой странной и вдобавокъ и беременной женщинѣ? Зачѣмъ завязалъ и поддерживаю еще одно ненужное знакомство? Мудрить тутъ, конечно, не надъ чѣмъ, а все-таки глупый визитъ. Глупый, фальшивый и вообще неприятный какой-то. Опять встрѣтились вчера въ Леонтьевскомъ и опять — радостная улыбка, минута несвязнаго, неловкаго разговора, а затѣмъ крѣпкое рукожатіе и просьба:

— Заходите какъ-нибудь на огонекъ! Буду сердечно рада. Заходите, когда вздумается, я всегда дома. Заходите завтра, я вамъ покажу мой новый мордовскій сарафанъ...

И вотъ опять иду и даже спѣшу почему-то. Навстрѣчу дуетъ сырой мартовскій вѣтеръ. Надъ Москвой черная весенняя ночь. Впереди чисто блестятъ фонари. Въ вышинѣ, въ черносинемъ небѣ, бѣлѣютъ пухлыя облака, снизу освѣщенные городомъ. Справа теряются въ

нихъ таинственно мерцающія старой позолотой церковныя маковки. И отовсюду красновато глядятъ безчисленные глаза домовъ, кажущихся въ темнотѣ огромными.

Конечно, опять ждала весь день, готовилась, — ходила покупать фрукты и печенья, принарядилась... Вообще вообразила, кажется, будто жизнь ея вдругъ приобрѣла какой-то радостный интересъ, будто нашелся какой-то „чуткій“ человекъ, который, наконецъ, оцѣнитъ ея неоцѣненную мужемъ душу. — При мысли обо всемъ обь этомъ такъ стыдно, что хочется повернуть и бѣжать назадъ.

Однако, вотъ и подъездъ. Вестибюль средній, довольно бѣдно освѣщенный, не располагающій къ посѣщеніямъ. Швейцаръ молодой, въ поддевкѣ, дурного тона. Только что я стукнулъ, входя, какъ онъ тотчасъ поднялъ изнутри свою красную занавѣсочку на дверномъ окнѣ и любопытно выглянулъ. Подавляя въ себѣ неловкость, независимо прохожу мимо и безъ отдыха поднимаюсь по узкой лѣстницѣ, усталанной затоптаннмъ коврикомъ. Ухъ, чортъ, какъ высоко и какъ вообще все это нелѣпо!

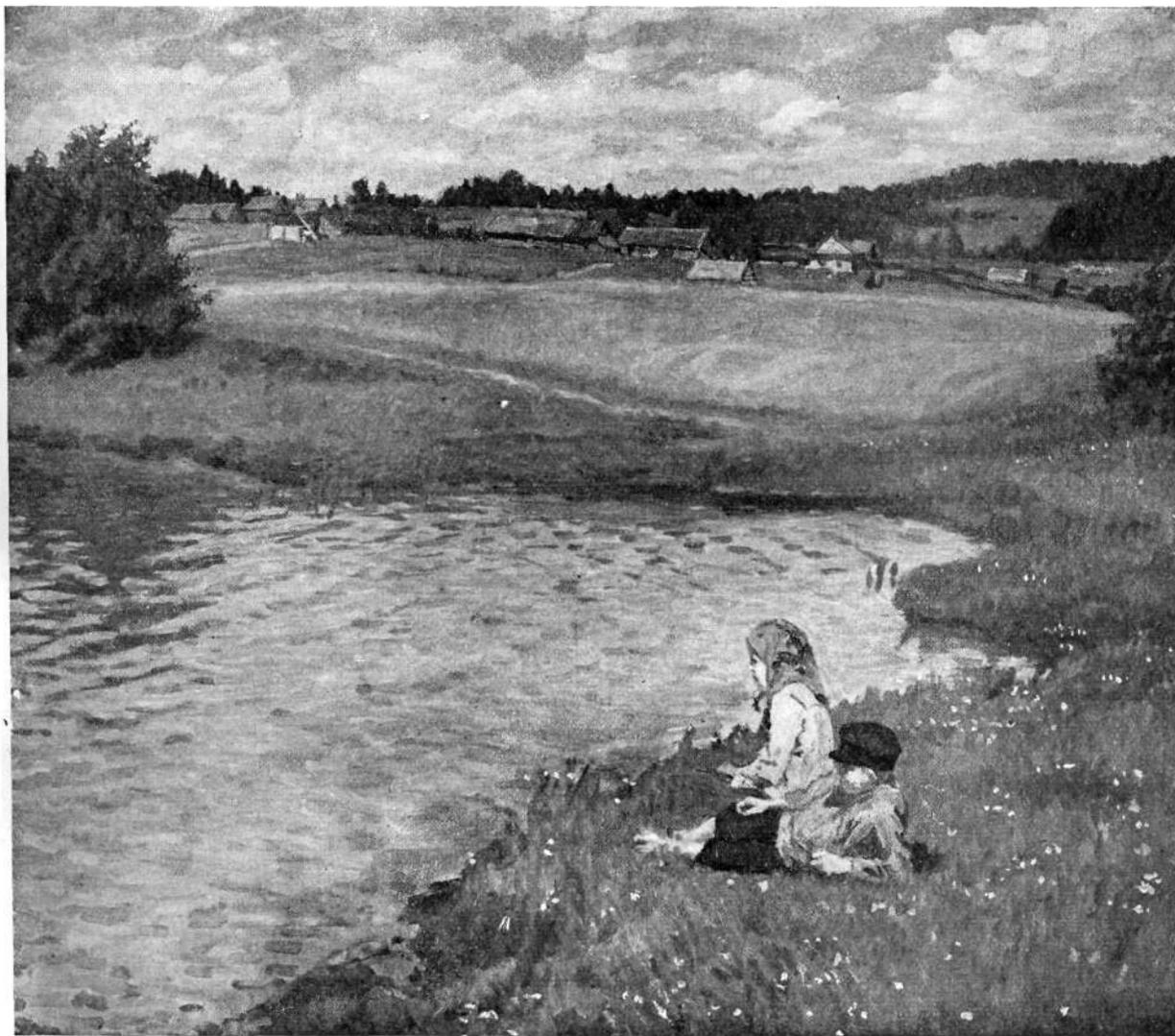
Но все равно — уже позвонилъ. Поспѣшные шаги за дверью — и дверь открывается, и не горничной, а самой хозяйкой.

Опять радостная и, какъ всегда, почему-то удивленная улыбка, мигъ обоюднаго смущенія — и торопливые, видимо, заранѣе приготовленные фразы:

— Ахъ, какъ мило, что сдержали обѣщаніе, забрели на огонекъ! А я совсѣмъ въ одиночествѣ, даже прислугу отпустила, — у нихъ вѣдь, знаете, настоящее помѣшателство, этотъ кинематографъ...

Ну-съ, разоблачайтесь и идемъ чай пить...

Дался ей этотъ „огонекъ!“ А въ придачу „разоблачайтесь“ и безтактный поцѣлуй въ високъ, когда я поцѣловала ея руку, и заявленіе обь отсутствіи прислуги. — Стыдно уже нестерпимо, однако, вхожу въ гостинную бѣдро, какъ ни въ чемъ не бывало, развязно протирая очки платкомъ. И протирая, думаю: да, и волосы убраны очень хорошо, видимо, у парикмахера, — значитъ, я былъ правъ, ждала, готовилась, — и потомъ это болотно-зеленое бархатное платьѣ, пріоткрывающее полныя груди,

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Вечеръ въ деревнѣ“.

и жемчугъ между ними, и чулки изъ сѣраго шелка, и атласныя туфельки...

— Присаживайтесь, милый Петръ Петровичъ, я сію минуту...

И быстро уходитъ. — Очень возбуждена и, надо правду сказать, очень не плоха. Какая-то особая красота беременности, чудесный рас-

Любуюсь; для видимости интереса, вниманія и безпристрастности выдумываю маленькія придирки, пересыпая ихъ лестью. Она наливаетъ чай, — „вѣдь вамъ покрѣпче, неправда-ли?“ — и съ улыбкой подаетъ мнѣ чашку, манерно отставивъ мизинецъ. И начинается бесѣда, если только это можно на-

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Пріятели“.

цвѣтъ всего тѣла. Губы уже слегка воспаленныя, припухшія, но зато великолѣпно темны и блестящи глаза.

Со вздохомъ падаю всей своей тушей на диванъ. Обстановка, конечно, обычная: раскрытое черное піанино, надъ нимъ портретъ грознаго широкоскулага Бетховена, возлѣ большая лампа на высокой подставкѣ подъ огромнымъ розовымъ абажуромъ, передъ диваномъ столикъ, спиртовка для чайника, пирожныя, фрукты, золотыя ножички; а на креслахъ въ изломанныхъ и безпомощныхъ позахъ лежатъ куклы: баба въ желто-красномъ сарафанѣ, добрый молодецъ въ жаровой рубашкѣ, въ плисовой безрукавкѣ и въ круглой шляпкѣ съ павлиньими перьями, маркиза въ бѣломъ парикѣ изъ ваты, арлекинъ, Коломба...

— Ну-съ, вотъ и я.

Ставить чайникъ на спиртовку, зажигаетъ ее, собираетъ съ кресель игрушки и съ улыбкой валить ихъ мнѣ на колѣни:

— Мои новые шедевры. Любуйтеся и критикуйте!

звать бесѣдой, такъ какъ говорить, по обыкновенію, только она. О чемъ? О томъ же, о чемъ и всегда. Сперва объ игрушкахъ, которыхъ я терпѣть не могу, но которыя я продолжаю разсматривать и среди разговора, такъ какъ это ея страсть, „то единственное, на чемъ она отводитъ душу, созданную въ сущности только для искусства“, затѣмъ о мужѣ, котораго я и до сихъ поръ ни разу не видалъ и о которомъ она говоритъ съ фальшивой веселостью, — „спитъ до десяти, ѣдетъ на службу, обѣдаетъ, снова спитъ и снова уѣзжаетъ!“ — и, наконецъ, о своемъ первомъ, умершемъ ребенкѣ. Говоритъ она только о себѣ. Обо мнѣ, хотя-бы изъ приличія, никогда ни единого словечка, — до сихъ поръ не знаетъ и не проясляетъ ни малѣйшаго намѣренія узнать, кто я, что я, гдѣ служу, женатъ или холостъ...

Возбуждена она нынче особенно. И возбуждена и какъ будто очень весела. Говоритъ безъ умолку, съ необыкновенной выразительностью и съ такой требовательностью вниманія, что я вскорѣ начинаю шалѣть, цѣпенѣть

и только бессмысленно и растерянно улыбаюсь. Впезапно она вскакивает, — „ахъ, главное-то я и забыла!“ — на мгновение скрывается въ сосѣдней комнатѣ и возвращается съ торжествующей улыбкой:

Voilà! И все собственноручно! Правда, хорошо?

Въ рукахъ у нея что-то странное и страшное: длинный балахонъ изъ суровой крестьянской холстины съ нашивками и вышивками на плечахъ, на рукавахъ, на груди и на подолѣ темно-коричневыми и кубовыми шелками. Она всячески показываетъ мнѣ его, прикидываетъ къ себѣ, къ своимъ полнымъ грудямъ и округляющемуся животу, и вопросительно и радостно смотритъ на меня. Я встаю и опять съ притворнымъ вниманіемъ осматриваю, восхищаюсь, а межъ тѣмъ мнѣ уже просто невоготу: что-то мрачное, древнее и какъ-будто гробовое есть въ этомъ балахонѣ, что-то жуткое и очень непріятное вызываетъ онъ во мнѣ въ связи съ ея беременностью и трагической веселостью. Вѣроятно, умереть родами, думаю я. Вообще она на порогѣ не то какого-то большого несчастья, не то сумасшествия.

Бросивъ сарафанъ на піанино, она опять садится на кресло рядомъ со мной и, не спуская еъ меня расширенныхъ глазъ,

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„На работу“.

Н. П. Богдановъ Бѣльскій

„Старый скрипачъ“.

начинаетъ говорить о своихъ чувствахъ къ своему будущему ребенку. Они необыкновенны, невыразимы, эти чувства. Ея первенецъ, который „такъ мгновенно сгорѣлъ въ огнѣ того дивнаго и непостижимаго, что называется жизнью, которой исчезъ изъ этого міра, едва раскрывъ на него свой очаровательно-радостный взглядъ, вызвалъ въ ней нѣчто такое, чего она не забудетъ до гроба“. Теперь она „съ ужасомъ и восторгомъ чувствуетъ въ себѣ новое бытіе и уже полна такой любовью, передъ которой всякая любовь и особенно къ мужчинѣ—кошунство, пошлость“. Если Богъ и второй разъ отниметъ у нея эту любовь, она покончитъ съ собой, не задумываясь ни на минуту, — это она уже твердо рѣшила... Или же уйдетъ въ монастырь. Мысль о монастырѣ — ея давняя, завѣтная мысль. О, если-бы не замужество, не дѣти! Она дня не стала бы медлить съ этимъ! Уже хотя бы по одному тому, что для чего, для кого медлить, для чего и для кого жертвовать собой?

— Скажите, родной, для кого? — горячо спрашиваетъ она, уставясь на меня. — Ужъ не для него-ли, который врядъ-ли и подозреваетъ, что у меня есть своя личная жизнь, свои личные радости и горести, которыми мнѣ во всемъ мірѣ не съ кѣмъ подѣлиться?

Не спуская съ меня глазъ, она пытается смѣяться, — вѣдь право же ея мужъ даже не челоѣкъ какъ будто, а нѣчто курьезное въ своей приверженности спать при малѣйшей возможности! Теребя на груди жемчужинку, она то откидывается къ спинкѣ кресла, то подается впередъ, кладя свою лѣвую руку на мое колѣно, и я слышу всѣ ея запахи, —

„Полно, дорогая, успокойтесь!“ — тяну ее къ себѣ. А она вдругъ закусываетъ нижнюю губу, быстро подноситъ къ губамъ платокъ, быстро пересаживается на диванъ и со слезами падаетъ головой на грудь ко мнѣ...

Возвращаюсь я во второмъ часу ночи. На улицахъ ни души, вѣтеръ перемѣнился, усилился и пахнетъ моремъ, въ лицо мнѣ иногда

Н. П. Богдановъ-Бѣльскій.

„Талантъ и поклонникъ“.

дыханія, волосъ, тѣла, платья. Щеки ея теперь пылаютъ, глаза прямо великолѣпны, движенья рѣзки, и на груди, на пальцахъ, въ ушахъ сверкаютъ драгоценныя камешки. А я все смотрю на ея круглѣющую подъ бархатомъ животь, на то, какъ она перекидываетъ нога на ногу, высоко показывая свой сѣрый, не туго натянутый чулокъ... И вдругъ понявъ, что настала наконецъ именно та минута, тайная надежда на которую и вела меня къ ней и не оставяла весь вечеръ, беру ея руку и, бормоча: —

попадаютъ капли дождя. Облака уже не бѣлѣютъ вверху, густая чернота виситъ надъ Москвой. И я быстро иду впередъ, опять противъ вѣтра, иду какъ пьяный.

— Бѣжать, бѣжать, завтра-же! — неотступно стоитъ у меня въ головѣ. — Въ Кіевъ, въ Варшаву, въ Крымъ — куда глаза глядятъ!

Ив. Бунинъ.

Приморскія Альпы, 1925 г.